

АЗƏРБАЙҶАН ССР ЭЛМЛƏР АКАДЕМИЯСИ;
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

ФƏЛСƏФƏ ИНСТИТУТУНУН
ƏСƏРЛƏРИ

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY

ТОМ II ЧИЛД

АЗƏРБАЙҶАН ССР ЭА НƏШРИЙЯТЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Баки — 1946 — Баку

А. О. МАКОВЕЛЬСКИЙ

НИЗАМИ КАК ФИЛОСОФ

Низами не только великий художник слова, но и глубокий мыслитель. Он не только поэт-гражданин, но и крупнейший представитель общественной мысли. Сам Низами, говоря о себе, отмечает две стороны в своей творческой деятельности: поэтическую и философскую. Он говорит, что счастливая звезда дала в руки «бубен Венеры и книгу Юпитера» и что «по этой милости» он «иногда мастерил украшения, иногда раскрывал дверцы клада премудрости» и такими двумя способами «наполнял мир драгоценными самоцветам (Игб.-Н.293—297)¹.

Без преувеличения можно сказать, что Низами был выдающимся философом своей эпохи. Прежде всего он — во всеоружии знаний своего времени. О всеобъемлющем характере его знаний можно судить по разнообразию затрагиваемых в его произведениях научных вопросов. Основные проблемы философии, история древней философии, астрономия, естествознание, химия, биология, медицина, психология, филология, история, этика, политика, педагогика и эстетика — таков обширный круг знаний Низами. Слова Низами «В каждой области науки отдельно я—несравненный знаток» (Иск.-Н. 56) проникнуты гордым сознанием и свидетельствуют об энциклопедичности его знаний и глубине их.

В особенности подчеркивает Низами свои глубокие познания в области философии и астрономии. В поэме «Хосров и Ширин» в разделе «Мудрость и наставления Низами» он говорит о себе:

«Я уразумел в кругу мира вращение и суть тайн мира. Все астрономические таблицы небес, графу за графой, я определил астролябией мудрости. Спросил ли кто-нибудь у меня тайны неба так, чтобы не сумел я их объяснить одну за другой (ХШ, 581, ст. 4515 сл.).

Основные философские проблемы Низами обсуждает главным образом в трех сочинениях: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин» и «Игбал-Намэ».

Философии посвящены первое по времени и последнее произведения Низами. Это свидетельствует о том, что философские вопросы

¹ Цитаты нами приводятся по русскому переводу поэм Низами члена-корреспондента Академии наук СССР проф. М.Э. Бертедьяса, проф. А.А. Ромасевича и А.К. Арендс. Ссылки делаются на страницы издания поэмы Искендер-Намэ 1940 г., а в отношении остальных поэм Низами — на страницы машинописи фонда рукописей Академии наук Азербайджанской ССР.

Сокращенно обозначаем:
СТ (Сокровищница тайн).
ХШ (Хосров и Ширин).
ЛМ (Лейли и Меджнун).
СКр (Семь красавиц).
Иск.-Н (Искендер-Намэ).
Игб.-Н. (Игбал-Намэ).

глубоко волновали Низами в течение всей его жизни и всегда занимали центральное место в его интересах и в его творчестве.

При обсуждении философских проблем Низами широко применял форму диалога, в котором беседующие лица в споре защищают различные точки зрения. Этот прием позволял автору знакомить своих читателей с запретными учениями и пропагандировать те или иные идеи под видом их опровержения. Такой прием применялся многими прогрессивными мыслителями на Западе и на Востоке в те времена, когда жестокие преследования держали под гнетом свободную мысль. Низами жил в эпоху господства религиозной метафизической идеалистической философии, в юности он воспринял ее идеи от своих учителей и, естественно, эти идеи служили отправным пунктом его философских размышлений. Но в ходе своего философского развития Низами преодолевает узость господствовавшей философской концепции, он в ряде вопросов прорывает ее ограниченность, вводя в нее материалистическую тенденцию и наполняя ее разнообразными элементами диалектики. И хотя в силу неразвитости современной ему общественной жизни он был не в состоянии порвать полностью с метафизикой и идеализмом, однако в его мировоззрении по мере роста его философского творчества все более крепнут диалектические и материалистические тенденции. Это связано с тем, что Низами был идеологом наиболее революционного слоя средневекового общества — городских ремесленников.

Основная философская позиция Низами может быть охарактеризована как колебание между материализмом и идеализмом. Это — та позиция, которую в древности занимал Аристотель, в новое время — Кант. В решении основного философского вопроса у Низами можно отметить эволюцию взглядов от первой поэмы «Сокровищница тайн», в которой преобладают идеи пифагорейско-платоновские и гностически-неоплатоновские, до последней его поэмы «Искендер-Намэ», где чувствуется усиление материалистической тенденции в мировоззрении Низами.

Размышления над отношением между материальным миром и духовным приводят Низами к оригинальным философским взглядам, а именно: Низами вступает на путь преодоления противоположности между эмпиризмом (сенсуализмом) и рационализмом. Взгляды Низами по этому вопросу можно резюмировать в следующих четырех положениях:

1) Разум—особая высшая способность человека, которая составляет отличительную особенность человека по сравнению с животными и которая возвышает его над миром животных. Разум нельзя ни свести к ощущениям, ни вывести из них, как это делают сенсуалисты и эмпирики. Разум есть нечто, по существу отличное от чувственного восприятия.

2) Сфера применения разума ограничивается только чувственным миром явлений. Разум применим только к видимому и осязаемому миру. Построения разума, выходящие за пределы чувственного мира явлений, пусты, бессодержательны и не имеют познавательной ценности.

Отрицая приложимость идей разума к сверхчувственному миру, признавая бесплодными всякие попытки разума оперировать вне чувственного мира, Низами выступает против рационализма.

3) Познание первопричины мира, познание сущности вещей недоступно для человека, его познавательные способности ограничены. Если разум попытается проникнуть в сущность вещей, попытается разрешать вопросы о происхождении мира, о бытии бога, о бессмертии

души и другие подобные вопросы, выходящие за пределы видимого и осязаемого, то он «сгорит». Сущность вещей непознаваема.

4) Разум является источником нравственности человека. Нравственность есть господство разума над чувствами.

У Низами различаются и противопоставляются сверхчувственный мир и чувственный мир явлений и утверждается внепространственность и вневременность сущности вещей и неприменимость к ней категорий рассудка и идей разума. Принимая коренное принципиальное отличие разума от внешних чувств, их полную гетерогенность, Низами учит, что мир явлений (природа) познается внешними чувствами и разумом, как двумя самостоятельными способностями, и что область применения разума — только чувственный материальный мир. Низами говорит о границах человеческого разума и о пределах познавательной способности человека (сущность вещей не познаваема ни внешними чувствами, ни разумом).

Агностицизм Низами служит цели отмежевания области разумного знания от религиозной веры. Низами хочет оградить участок знания от религии. В XII веке, в эпоху полного господства религии, агностицизм Низами был попыткой отделить область науки от веры и имел целью освободить научное знание от оков религиозной догматики и в этом отношении может быть сопоставлен с учением философов эпохи Возрождения о «двойной истине».

Рассмотрим взгляды Низами на разум и истину.

Низами высоко ценит свет разума и требует, чтобы человек руководился им в теории и практике.

«Если бы у тебя не было благородства разума, то кто вспоминал бы тебя, кто хвалил бы тебя? Разум есть Мессия, от него ты не отворачивайся, иначе ты — осел» (СТ. 1766—1767). «Не следует жить темным, как корова и осел» (СКр. 192).

Лозунг: «Знание—сила» является девизом Низами. «Всякий, в ком есть сущность мудрости, у того есть власть над всеми вещами» (СТ. 1947). «Волк более зубаст, чем лисица, однако лисица спасается от волка оттого, что она является «лучше знающей» (СТ. 2186). «Какое прекрасное имущество осведомленность!..

«...Только тот высоко поднимает голову в мире, кто разумно относится к делам мира» (Иск.-Н. 131).

Разум—основа нравственности. Разум создает добрые нравы (СТ. 1769). Лишенные разума преданы страстям.

В поэме «Хосров и Ширин» (в разделе «Изъяснение взора и способностей познания») дается совет подавлять страсти и осуществлять господство разума.

«Ослепи одно за другим чувства свои и этим прекрасным способом сделай ум счастливым»

Во всех областях жизни человека — в познании, в нравственности, в житейской практике, в общественной деятельности — разум является руководителем и наставником. «О разум, все мои способности от тебя» (ЛМ. 35).

Истина превыше всего. Истина едина. «Двум истинам не следует быть» (СТ. 1657).

Истина заслуживает величайшего уважения, она всемогуща, всякое действие, направленное против нее, обречено на неудачу. «Слово, которое ведет не к истине, — презренно» (Иск.-Н. 388). «Доколе бесплодно бороться из вражды к истине? Не затевай этого, ложь сама убежит от истины» (Иск.-Н. 121).

Искание истины есть трудный и длинный путь.

«Выискивание причин скрытых тайн делает долгой работу ищущего» (Иск.-Н. 253).

Высоко оценивая истину, разум, знание, Низами гневно обрушивается на врагов истины и осуждает невежество, пустословие и лженауку. «Пустословию не должно внимать». (Иск.-Н. 198).

В качестве самонадеянного пустослова выводится еврей Мелиха (в поэме «Семь красавиц»), который чванится своим всезнайством.

Низами советует царям и правителям высоко чтить науку и просвещение и оказывать покровительство людям науки, прислушиваться к их голосу.

«Да не станет далеким сердце царя от науки, ведь глазам лучше со светом, а свету—с глазами» (Иск.-Н. 3083—84). «Стремись постоянно вперед к науке, всегда открывай врата сокровенного» (Игб.-Н. 3007—08).

Во всех делах следует советоваться с опытными и учеными людьми. Успех начинаний зависит от всестороннего знания дела. Поэтому у мудрого царя философы и ученые в почете. Так, Александр Македонский окружил себя учеными: «Воссев на престол царя царей, он издал приказ о том, чтобы выше всего ценилось превосходство в науке и искусстве, и чтобы из всех степеней, что бывают высоки, самой высокой считалась «степень мастера» (Игб.-Н. 757).

Низами дает совет царю: «Ночью и днем пир государя царей не должен лишаться ученых. Царю лучше стремиться к знанию» (Игб.-Н. 3757).

Высокая оценка разума у Низами сочетается с признанием его ограниченности. Столь превозносимый разум, которому принадлежит суверенитет в познании природы и в области нравственности, бессилен постичь сущность вещей.

«У разума ноги в волдырях, дорога темна, да к тому же дорога, как волос, тонка» (ЛМ. 33). «Если разум вступит в область сверхчувственного, он «сгорит» (ЛМ. 35). «Разуму доступно все то, что внутри небосвода, а то, что непознаваемо зрением, непознаваемо и разумом» (ХШ. 4790).

«К тем лишь предметам мысль доступ имеет, которые глаз наш может увидеть» (Игб.-Н. 2725). «Невиденному нет места в мыслях. Если ты думаешь о том, что не видел, то, коли всмотришься лучше, увидишь ошибку» (там же. 2761—63). Разум может познать лишь мир явлений в пространстве и во времени, а сущность вне пространства и времени недоступна для познания разумом. «Только туда может разум путь проложить, где может ферсенги¹ он счесть и привалы» (Игб.-Н. 3240 см.).

Разум человека ограничен, а то, что существует, бесконечно велико.

«Ты не воображай, о ищущий уловок, что есть этот свет и тот свет и больше ничего. Длина и ширина бытия велика» (СКр. 393—394).

«Не следует объяснять причины всего существующего своими домыслами» (СКр. 193).

Как агностик, Низами считает, что наши представления о вещах не соответствуют самим вещам. Эту мысль поясняет Александр Македонский в поэме «Игбал-Намэ»:

«Много людей, которых я представлял себе словно виденными, Представление о коих рисовал в своих мыслях,

¹ Ферсенг—мера длины около 7 километров.

В конце концов, когда я их увидел на деле,
Оказались не такими, как я полагал».

(Игб.-Н. 2765).

По мнению Низами, внешние чувства познают только явления, они не могут проникнуть в тайны бытия, в сокровенный смысл мира.

Глаза и уши имеют отношение лишь «к внешней завесе» (СТ. 561). Они не приближают нас к познанию сущности вещей.

«Набили себе вату, как роза, твои уши, нарцисс глаз твоих есть волдырь на твоём разумном сознании» (СТ. 562). Употребляя выражение Гераклита о несовершенстве внешних чувств (см. фр. 117, 36 и 77), Низами называет их «мокрыми» (СТ. 577).

И разум человека также несовершенен. Он даёт действительное знание, пока он имеет дело с данными внешних чувств. Но «все то что растёт из него самого» вне связи с данными чувственного восприятия это «лишь фантазия» (Игб.-Н. 2727). Это всего лишь обманчивая игра мыслей. У разума завязаны глаза на то, что над ним, на то, что выше его; разум видит лишь то, что под ним внизу: в отношении видимого материального мира он действительно обладает ключами познания и указывает правильный путь (Игб.-Н. 3299 сл.).

Итак, признавая познаваемость мира явлений и роль разума в познании истины и в господстве человека над природой, Низами, однако, считает, что не все доступно человеческому разуму, но последний имеет свои пределы, за которые он никогда не в состоянии будет перешагнуть. Агностицизм Низами простирается на сверхчувственный мир.

«За покровом небесных сокровенностей
Есть тайна, скрытая от наших глаз.
Сколь бы я туда ни гнал коня (своей мысли).
Проникнуть туда я не могу» (ЛМ. 26).
«Во всем том, что можно охватить взглядом,
Скрыта сокровищница непостижимой тайны» (ЛМ. 26).
«Мысль, когда дойдет до линии (предела),
Не умеет (ничего иного) как повернуть назад.
Так, циркуль, когда обводит окружность.
Возвращается к первоначальной точке» (ЛМ. 27).

Непостижимой тайной для человека есть и всегда будет не только существование бога, но и создание им мира: по учению Низами

«Тайна всемогущества божьего —
Никому не распутать ее узлов.
Бессильны все—и мудрецы и безумцы.
Понять, каким образом он создал это письмо (то есть мир).
Если бы человек знал, каким образом он сотворил вселенную,
Возможно, что и он смог бы так же сделать» (ЛМ. 26).

Та же самая мысль повторяется в поэме «Игбал-Намэ»:

«Я знаю, что художник (создавший образ мироздания) имеется,
Однако, не знаю, как он творил.
Если бы я знал о том, как он творил,
То и я мог бы то сделать, что делает он.
Всякий тот образ, что на ум бы пришел,
Можно бы на деле сотворить непременно».
(Игб.-Н. 3212 сл.).

В последнем двустишии Низами высказывает мысль, что могущество человека простирается настолько, насколько простирается его

знание (мысль, которая позже повторяется в западноевропейской философии Возрождения).

В поэме «Игбал-Намэ» говорится, что человеческая душа — пленница земного мира и мысли человека — «пленные мысли». Небо есть «ограда», в которой витают «пленные мысли» (Игб.-Н. 2753). Пусть человеческая мысль не ищет «известий о начале и конце». Ей не постичь того, что скрыто за завесою тайны. «Не уносишь своей мыслью за пределы земли и небес» говорит о границах мысли Александр Македонский в беседе с индийским мудрецом (Игб.-Н. 2749).

О непостижимости создания мира Низами говорит:

«Познание тайны создания

Нельзя постичь взглядом очей.

Эту нить рок не так сучил,

Чтобы можно было найти ее начало» (ЛМ. 25).

По мнению Низами, как бы человек ни напрягал свои усилия, останутся тайны, которые всегда будут непонятны его уму.

К этим тайнам прежде всего относится вопрос о первоначальном движении, из которого произошло все существующее. На вопрос шаха Хосрова: «Поведай, что такое первоначальное движение?» Бузургумид отвечает: «Никто не ведает первоначального, кроме Первоначального» (ХШ. 558 ст. 4786). Люди — вне первой завесы (тайны).

На следующий вопрос Хосрова о том, что находится за небосводом (за пределами видимой вселенной), Бузургумид отвечает: «Не заходи так далеко в своих мыслях». Он говорит, что непозволительно дерзновенно рассуждать об этом — «Небосвод закрывает перед человеком свои врата». Человеческому познанию доступно лишь то, что находится внутри небосвода. «Мы читаем лишь начертания вне завесы» (СКр. 193).

Установив положение о непознаваемости сущности вещей, о недоступности для человеческого разума решения конечных вопросов бытия, Низами в последней своей поэме «Игбал-Намэ» выводит представителей различных философских направлений (в том числе также материалистических и атеистических), которые высказывают разнообразные точки зрения на основные вопросы философии. Под покровом неразрешимости этих вопросов противоположные взгляды одинаково преподносятся как равноправные. И можно думать, что Низами использует этот прием для распространения запретных идей. В таком плане Низами развивает учение о том, что нет сверхчувственного духовного мира и что наш земной материальный мир есть единственно существующий, что этот мир не сотворен богом, а развился естественным образом из первоматерии, что человеческая душа материальна и смертна.

Эти идеи выступают в последнем произведении Низами как возможные с точки зрения разума решения философских проблем; однако наряду с ними приводятся и противоположные учения, противостоящие материалистическим, в качестве обладающих такой же вероятностью. Философия превращается здесь в область гипотез, в область неразрешимых споров. И с точки зрения этой принципиальной позиции находит свое объяснение колебание самого Низами между противоположными взглядами. Но уже одно то обстоятельство, что материалистические

и атеистические учения выводятся как возможные, не встречающие опровержения со стороны разума, является чрезвычайно показательным в смысле усиления материалистических тенденций в мировоззрении Низами.

В общем и целом мировоззрение Низами представляет собой весьма сложное переплетение различных идей.

Прежде всего в произведениях Низами мы повсюду встречаем религиозные представления мусульманской веры, но таковые представления уже в первом его произведении «Сокровищница тайн» выступают в качестве мифической оболочки, за которой скрывается особый тайный смысл.

Этим подлинным сокровенным смыслом являются для Низами идеи неоплатоновской философии. Здесь мы имеем характерное для гностиков аллегорическое толкование священного писания. Как сперва иудейский гностицизм и затем христианский гностицизм, так позже мусульманский гностицизм идет от религиозной веры к философскому познанию, применяя аллегорический способ толкования религиозных догм. Но при этом неизбежно происходит отход от религиозной ортодоксии, совершающийся под видом более глубокого проникновения в таинственный смысл догм: познаются глубины, сокровенные тайны, открытые только гностикам. Гностикам было присуще различие высших и низших ступеней познания, причем религиозная вера рассматривалась как низший способ познания, который годится для массы, но не есть полное истинное знание. Низший способ познания гностиками рассматривался как подготовка, предварение высшего способа познания.

От гностически-неоплатоновских взглядов, развиваемых в «Сокровищнице тайн» Низами переходит на позиции агностицизма в поэме «Хосров и Ширин». Но и на этой стадии он не останавливается и идет дальше к материализму. Но переходя на новую стадию, Низами не порывает с прошлым, прежние взгляды сохраняются путем различения разных планов познания — высших и низших. В конечном итоге мировоззрение Низами представляет собой своеобразное сочетание различных перекрещивающихся тенденций мышления.

В мировоззрении Низами — переплетение четырех линий: мусульманской, неоплатоновской, агностической и материалистической. Его мировоззрение носит характер переходного времени, когда в недрах старого растет новое, когда, несмотря на появление нового, старая оболочка сохраняется, ростки нового с трудом пробиваются сквозь толщу старого мировоззрения.

А. О. Маковелски

Низами бир философ кими

ХҮЛАСӨ

Низаминин эсас фэлсәфи көрүшү материализмлә идеализм арасында мүтәрәддүд бир мөвге тутур.

Низами идрак һаггындаки бахышлары илә эмпиризм вә рационализм арасында олан зиддийәтә үстүн кәлир. О ағлы, дуйғудан тәмамилә фәргли олан, инсанын хүсуси али исте'дади һесаба эдир. Лакин Низами эйни заманда ағлы, ялныз көрүнән вә һисс эдилән аләмин дәрк эдил-мәси үчүн гәбул эдир.

Низами, аләмин илк сәбәбләрини дәрк эдилмәсини инсан үчүн тейри-мүмкүн һесаба эдир: Низаминин тә'биринчә, һәр каһ ағыл, дүнянын яранмасыны, аллаһын варлығыны, руһун өлмәзлийини вә башга бу кими мәсәләләри һәлл этмәк истәрсә, о „янар“. Низаминин дунякөрүшүндә мүсәлман, неоплатон, агностик вә материалист бахышлардан ибарәт олан дөрд

мэслэк бир-биринэ гарышыр. Оун дүнякөрүшү
кечид дөвру хүсусийэтинэ маликдир ки, бу замай көһнэ чэмийэт
зэмининдэ ени мүтэррэги чэмийэт инкишаф эдир.